

Летом 1982 года нам было в среднем по двадцать; четверо бывших одноклассников, а ныне студентов, мы съехались тогда из разных городов в Абакан на каникулы. Два месяца свободы, мы молоды и не обременены пока житейскими делами и обязанностями, веселы и бесшабашны.

И ещё одно великое по тогдашним меркам благо было тем летом в нашем распоряжении: иногда Сашкин отец позволял покататься на его тогда ещё не старых «Жигулях» — рыжей «копейке», о которой Сашка с гордостью говорил: «Цвет — охра золотистая». Мы гоняли на ней по городу, ездили купаться, знакомились с девчонками, катались с ними по округе...

В общем, интересно и весело летело студенческое лето.

А как-то раз Сашка, с нашей подачи, уговорил отца дать нам машину, чтобы съездить на рыбалку, и не поблизости на степное озеро какое-нибудь, а за двести километров, на реку Казыр. Это было уже просто счастье. Мы долго и тщательно собирались, выслушивали бесконечные инструкции отцов и оханье матерей, и наконец Сашка торжественно произнёс: «Ну что, прём?» Разом хлопнули двери в рыжей «копейке», и мы отправились в настоящее путешествие, загруженные под завязку канистрами с бензином, продуктами, резиновыми лодками, снастями и, втихаря от родителей, основным студенческим напитком тех времён — портвейном номер 72!!!

Солнечное раннее утро, июльская теплынь рвётся с ветром в открытые окна машины. Ещё относительно безлюдна дорога. В те годы дороги вообще были пустыми, если сравнить их с сегодняшними. Подъезжая к Минусинску, мы, хитро улыбаясь, стали перешёптываться на заднем сиденье. Сашка, почуяв неладное, неодобрительно поглядывал на

нас в зеркало заднего вида и, окончательно вычислив наши намерения, обиженно изрёк: «Ну вы хоть подождите, пока город проедем, хоть час побудьте ещё людьми». Мы нехотя согласились «на час» и напряжённо и терпеливо «чувствовали себя людьми» до крайней минусинской улицы.

Едва поравнявшись с дорожным указателем, перечёркнутым наискось красным, достали из-под сиденья припрятанную на дорогу бутылку зелёного стекла, и дальнейший путь стал для нас, кроме Сашки-бедолаги, просто весёлой сказкой. Злой от зависти Сашка молча крутил баранку, асфальт давно кончился, и до Городка мы тряслись по плохо отгрейдерованной гравийке.

В Городке, прямо в пекарне, купили свежего, ещё тёплого хлеба, переправились через Тубу и мимо села Кавказское поехали уже пыльными полями в сторону Курагино. Дорога длинная, нам весело, в машине шумно, магнитофон (отдельная Сашкина гордость) орёт «Забытую песню несёт ветерок...» — и мы вместе с ним.

Вдоль обочины плетётся неторопливое коровье стадо, медленно проезжаем мимо. Одна корова со смешными, загнутыми в разные стороны рогами берёт немного влево, мешая нам проехать. Сашка жмёт на сигнал, резкий визг словно подбрасывает рогатую, она шарахается вправо и, нелепо подбрасывая ногами, отбегает на несколько шагов. Мы смеёмся, свистим ей вслед и едем дальше. Стадо остаётся позади, Сашка жмёт на газ и вдруг резко тормозит так, что мы стукаемся лбами о то, что у каждого было впереди.

Больше других не повезло Жеке на переднем сиденье: ударившись головой о панель, он удивлённо уставился на Сашку, спросив: «Ты чё?» Трезвый Сашка кивнул куда-то вперёд, в дорожную пыль, и когда та развеялась, мы увидели, что поперёк дороги стоит корова и что-то задумчиво жуёт, повернув в нашу сторону рогатую голову и равнодушно косясь на нас коровьими бесстрастными глазами. Сашка по-сигналил пару раз, но на животине это никак совершенно не отразилось. Потом он высунулся из окна, свистнул и изрёк банально: «Пшла вон, коза!» Видимо, обидевшись на «козу», корова перестала жевать и отвернулась, но уходить с дороги так и не надумала. Захмелевший и обиженный Жека, потирая ушибленный лоб, вышел из машины и как умел ласково

обратился к бурёнке: «Ну, ты! Шлагбаум с титькой!» И тут же, вытаращив глаза, заорал страшным голосом: «Пять шагов вперёд — марш!» От такого рыка даже мы в машине притихли и переглянулись, но на пятнистую командирский Жекин голос не произвёл совершенно никакого впечатления.

Следующим на переговоры пошёл Серёга. Подойдя вплотную к скотине, он принял авторитетную позу и начал: «Э! Памятник животноводству. Тебе чё, места в поле мало? Вали отсюда!..» Снова неудачно.

Я пытался привлечь коровье внимание пучком травы, и все единодушно одобрили мою находчивость... все, кроме этой упрямой заразы. Потом мы хотели было пододвинуть животное вручную, но когда она повернула рогатую голову в ту сторону, откуда мы готовили наше мероприятие, желания использовать этот метод как-то поубавилось.

Мы крутились вокруг коровы, а трезвый Сашка сидел, развалившись, за рулём и бессовестно ржал и издевался над нами, как только мог. Обдумывая план действий, мы сдвинулись в кучу, закурили и, так получилось, одновременно взглянули в сторону машины. То, что мы увидели, лишило нас дара речи, за моей спиной кто-то закашлялся, поперхнувшись сигаретным дымом. Пытаясь хоть как-то спасти ситуацию и по возможности не напугать Сашку, мы стали показывать в его сторону, пытаясь на пальцах объяснить возникшую у него за спиной проблему. Он нас, к сожалению, не понял и, не переставая ржать под магнитофон, покрутил пальцем у виска, намекая, видимо, на наши коллективные умственные способности и индивидуальные интеллектуальные достоинства. Потом, всё-таки заподозрив, что что-то здесь не так, Сашка повернул голову, и...

А дальше случилось страшное...

На пальцах мы пытались объяснить недогадливому Сашке, что криворогая корова, которая так боялась автомобильного сигнала, привлечённая, видимо, запахом свежего хлеба, засунула свою рогатую башку прямо в открытое окно задней дверки. Не слышмая им из-за ревущего магнитофона, она попыталась зажевать булку, лежащую на полке у заднего стекла. В этот момент и обернулся злорадный и радостный Саня.

Наверное, он многое мог представить в этот момент жизни, многое, но только не коровью голову на заднем сиденье, нагло жующую нашу буханку... Бедный Саня,

вскрикнув от неожиданности и испуга, случайно нажал локтем на сигнал. Услышав ненавистный дребезжащий звук, добавленный тональностью Сашкиного ужаса, бурёнка шарахнулась так, что закачалась и заскрипела машина.

Сашка выкатился из-за руля и с обезумевшими глазами с низкого старта резво рванул в нашу сторону. Было вначале смешно, но рассмеяться мы не успели, разглядев в поднявшейся пыли коровьи рога, торчащие из крыши нашей «копейки».

Наверное, именно с таким ужасом смотрят на приближающегося динозавра-хищника, идущий в лобовую БелАЗ или цунами. Сашка, домчавшись до нас и стоя спиной к машине, метался глазами по нашим лицам, пытаясь перехватить чей-нибудь взгляд, но мы молча и неподвижно смотрели мимо него в сторону машины. Поняв, что случилось что-то ещё более страшное, Саша медленно, очень медленно повернул голову...

Увиденное настолько потрясло его, что он походкой приговорённого висельника подошёл к машине, сел на придорожную пикульку и окаменело уставился на всю эту картину: корова истошно мычала, копытила, поднимая пыль и раскачивая машину, а из крыши торчали повёрнутые в разные стороны кривые рога. Так продолжалось какое-то время, пока мы, оцепенев, стояли молча, просто не веря своим глазам. Между тем подтянувшееся стадо окружило место действия и, недобро поглядывая, стало наблюдать за нашими проблемами. Даже стоявшая до этого неподвижно корова-шлагбаум, заинтересовавшись, подошла ближе, не переставая при этом жевать свою жвачку.

Криворогая тем временем успокоилась, перестала мычать и только помахивала обречённо грязным хвостом. Постепенно приходя в себя, мы стали продумывать наши дальнейшие действия. Объяснить корове, как нужно сначала повернуть и потом опустить голову, чтобы высвободить один рог, а затем в какую именно сторону повернуться, чтобы освободился второй, изначально показалось нам делом бесперспективным, вручную проделать подобное — тоже нереально. И единственное решение было вскоре принято: пилить рога!

Странно, но корова отнеслась к этому процессу совершенно равнодушно, она понуро стояла, поглядывая по сторонам своими жалостливыми коровьими глазами.

Пилили долго, потому как пилить-то особо было нечем. Когда с одним рогом было покончено, корова, не желая,

видимо, терять остатки своей животной красоты, мотнула глупой башкой своей и, добавив Сашке душевной боли, а заодно заметно увеличив размер дыры, со скрежетом вырвала оставшийся рог из оранжевой крыши. Затем она попятилась назад и, развернувшись, как ни в чём не бывало пошустрила в своё стадо, встретившее подругу приветливым мычанием.

Очистив наскоро салон машины от последствий долгого пребывания коровьей головы, аккуратно развернувшись вокруг огромной лепёшки коровьих страданий, образовавшейся возле заднего колеса после почти двухчасовой пытки, мы уныло поехали домой. Дорогой молчали. Ближе к Минусинску, как назло, пошёл дождь. Заткнув тряпкой дырявую крышу, поехали дальше, уворачиваясь от часто падающих на заднее сиденье дождевых капель. Сашку решили одного в этой ситуации не бросать и ехать к его отцу — хозяину машины — всем вместе.

До дома добрались уже затемно. Отец Сашки ещё ковырялся в ограде и, как только мы подъехали, сразу же вышел из ворот. Не заметив в темноте изменений на крыше, обеспокоенно нагнулся к приоткрытому водительскому окну. Напряжённо спросил, что случилось, почему вернулись. Мы молчали, опустив головы. Затем Сашка, безнадёжно вздохнув, включил в кабине свет и, не оборачиваясь, показал пальцем за спину и вверх. Отец поднял от окна голову и замер. В не предвещающей ничего хорошего тишине мы, переглянувшись, вышли из машины и стали быстро и бестолково рассказывать о нашем приключении. Отец Сашки, сдвинув брови, жёстко смотрел на пробитую крышу и, казалось, совсем нас не слушал. Потом, как бы очнувшись, он перевёл глаза на нас и переспросил: «Корова?» Мы заново, сбиваясь от волнения, кто как пересказали ему самую важную сцену из нашего путешествия. По мере того как он понимал и представлял, как всё происходило, взгляд его вначале подобрел, потом на лице затеплилась сухая улыбка, а к концу нашего рассказа он уже безудержно смеялся, перегнувшись пополам, держась одной рукой за штaketник палисадника. Мы, измучившись за последние часы ожиданием тяжёлого разговора, почувствовав сейчас, что гроза уже миновала, тоже расслабленно засмеялись, переглядываясь друг с другом.

В доме Сашки зажгётся свет, на квартал вокруг залаяли соседские собаки. Гроыхнув ведром в тёмных сенях, на крыльцо выскочила сонная Сашкина мама. Насторожённо

спросила мужа: «Лёша, ты чё?» — «Ничего, ничего,— отец, едва собрав силы, замахал на неё рукой.— Ничего, иди, иди»,— но опять не удержался и закатился, присев на лавочку. Мать махнула на нас рукой и ушла обратно в дом. Из будки выскочил хозяйский пёс и со звонким лаем заметался между нами, не понимая спросонья, что происходит. Всё ещё вздрагивая от смеха, постепенно успокаиваясь, Сашкин отец закрыл лицо руками и сидел на лавочке, опустив голову. Мы тоже замолчали. Потом он поднял на нас улыбающееся лицо и сказал, глядя добрыми глазами: «Ну, вы, блин, и черти...»

Мехзаводские мужики, друзья отца, загнали «копейку» на завод, выправили и так аккуратно заклепали крышу, что после шпатлёвки и подкрашивания посторонний взгляд не сразу мог определить место катастрофы, и даже Сашкина мать долго не знала про эти приключения с машиной. Сашкин отец отблагодарил мужиков как положено и за столом, уже по-своему, рассказал им эту историю; смеялись они не меньше нас...

Вскоре мы разъехались. Потом были учёба, дипломы, свадьбы, дети, разводы... и, в конце концов, сложилось так, что все мы четверо осели в Абакане, здесь и живём по сей день. Дружим семьями, но часто собираемся и вчетвером. Созваниваемся, назначаем мальчишник где-нибудь в нешумном уютном кафе, подъезжаем на своих «Тойотах» и «Ниссанах», пьём по старой памяти портвейн, кому не запрещают пока врачи, вспоминаем прошлый рыбацкий сезон, строим планы на ближайшие весну-лето.

За более чем двадцать лет мы, кажется, уже всё рассказали друг другу об этой истории, и как только кто-нибудь из нас скажет: «А помните, в восемьдесят втором...» — как все мы замолкаем, улыбаясь, глядим друг на друга, и снова блестят, как в юности, глаза, и, кажется, темнеет седина на висках, и прячутся залысины в предательски редеющих вихрах.

Разъезжаемся за полночь. Привычно поворчат на нас жёны, а через неделю-две, максимум месяц, мы снова созвонимся, найдём повод, соберёмся и вспомним бесшабашное студенческое лето восемьдесят второго, глупую кривоногую корову и, конечно же, Сашкину «копейку», рыжую внешность которой кто-то так ласково и романтично прописал в техпаспорте: «Цвет — охра золотистая»...